

СКИТНИКИ

Камиль Зиганшин

Камиль Фарухшинович Зиганшин

СКИТНИКИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68797608

SelfPub; 2023

Аннотация

СТАРОВЕРЫ... Всякое слово о них вызывает неподдельный интерес. Есть в этих людях нечто сильнее мускулов. Это «нечто» – сила ДУХА, позволяющая совершать невозможное. Это про них губернатор Восточно-Сибирского края Трескин после первой же инспекционной поездки написал: «...они и камень сделали плодородным». В романе «Скитники» рассказывается о староверческой общине, зародившейся в Ветлужских лесах во второй половине XIX века, одолевшей долгий, трудный путь через Урал, Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае; оттесненной затем в глушь Алданского нагорья и хоронящейся там по сию пору. Книга написана сочным, живым языком и, благодаря увлекательному сюжету, читается легко, с неослабевающим интересом до последней страницы.

Содержание

История Валаама	5
Ветлужский монастырь	16
Забайкальский скит	39
Снов в пути	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Камиль Зиганшин

СКИТНИКИ

*Моей ТАНЮШЕ,
бесценному,
прелестному дару
судьбы, посвящаю.
Твоя ВЕРА в меня и твоя
ЛЮБОВЬ дали мне силы
одолеть немало вершин.*

История Валаама

Потомок знатного княжеского рода Василий Шмурьев родился в 1800 году. Молодые родители, измученные бесконечными хворьями первенца, отвезли его к престарелой тетушке в имение под Тверью, когда малышу не было и двух лет.

Спокойная размеренная жизнь в деревне способствовала не только укреплению здоровья мальчика, но и развитию в нём самых добродетельных свойств и устремлений. Да и сама тетушка, глубоко верующая, просвещенная женщина, всячески поддерживала в мальчонке первородную чистоту и любовь ко всему живому.

Ограждённый от пороков высшего света, Василий вырос одним из тех редких и чудных людей, у которых напрочь отсутствуют не только самолюбие, но и проявления обиды и ненависти: его душа любила всех и каждому желала добра.

Вернувшись в 1816 году в столицу, повзрослевший обладатель русой шевелюры и бархатного пушка над пунцовыми губами по настоянию отца поступил в Императорское училище правоведения.

Батюшка с матушкой, стремясь помочь отпрыску освоиться в столице и приобрести светские манеры, регулярно вывозили его на званые вечера, приёмы и балы. Роскошь и блеск, царившие там, поначалу ошеломили и восхитили

юношу. Но мало-помалу у Василия открывались глаза. За внешним лоском и довольством аристократического общества, всё ещё смаковавшего триумфальную победу над Наполеоном, он стал примечать хитрословие, чванливость, притворство, блуд и мотовство.

Это поколебало, а вскоре и вовсе разрушило его наивную веру в особое предназначение своего сословия. Будучи неприхотливым и в высшей степени набожным человеком, он легко отказался от дарованных знатным происхождением благ и в 1819 году тайно ушёл в отдалённый монастырь на севере Тверской губернии, где после трудного послушания, пройдя искусы и приняв монашеский постриг, с новым именем Варлаам остался служить во славу Божию.

Читая старинные рукописные книги, коих в библиотеке обители было великое множество, молодой инок был умиротворён нестяжательной и благочинной жизнью в монастыре. Ладил с игуменом¹ и братией, но вскоре он стал замечать, что и здесь, среди божьих служителей, уживались всё те же, только умело утаиваемые пороки и завуалированная борьба за власть. У Варлаама подспудно начало вызревать решение уйти подальше от тщетной суеты и жить в лесах в уединении. Спустя три года, испросив благословения настоятеля, он отправился странствовать, выбирая дороги дикие, малолюдные. Настоятель при прощании дал ему две книги: Евангелие от Матфея и довольно увесистый фолиант «Травознаи

---

¹ Игумен – настоятель православного монастыря.

Руси» со словами «Будешь жить в лесу пригодится».

В первые дни скитальческой жизни инока особенно восхищало и радовало то, что в лесу даже ломоть чёрствого хлеба стал несравненно вкуснее и аппетитнее: горьковатый дым костра, благоухание цветов, щебет птиц, – эти незатейливые приправы необычайно скрашивали скудные трапезы. Под вольным небом, среди лесистых холмов и чистых речушек, Варлаам стал ощущать себя частичкой окружающего мира. Это с каждым днём крепнущее чувство слитности доставляло душе странника особую усладу.

Отдыхая как-то под громадной, пронизанной солнечным дождем сосной, Варлаам рассеянно поднял шишку, лежавшую на рыжей попоне из старой плотно спрессованной хвои. Из неё на ладонь выпало невесомое семя. Разглядывая его, юноша невольно подумал: «Экая крохотулька, а такой исполин из неё вырастает! Сколь же велика сила Господня, таящаяся в семени!»

В дальнейшем, размышляя о гармонии и благодати, царящих в лесах и полях, Варлаам пришел к убеждению, что именно в чудном творении Царя Небесного – Природе-матушке и заключён вечный источник жизни для всего сущего. Именно через Природу, Создатель пробуждает в человеке чувство единения с окружающим Миром и очищает душу от всего суетного, делая её добрее и мягче.

Варлаамова обитель

В поисках пристанища по сердцу скиталец через четыре

седмицы² достиг кондовых лесов Ветлужского края, издавна населяемых поборниками старой, неправленной веры. Первые из них пришли сюда, спасаясь от антихристовых³ Никоновых новин, еще в семнадцатом веке, вскоре после Раскола.

Варлааму сразу приглянулись суровые старообрядцы, выделявшиеся усердием к труду и почитанием древлерусского православия. Каждый день, кроме двенадесятых праздников⁴, в их поселениях с утра до ночи кипела работа. Женщины пряли шерсть, ткали холсты и даже сукно; филигранно вышили золотом. Мужчины делали конскую упряжь, мастерили красивые розвальни, искусно писали иконы, переписывали книги старозаветного содержания. У них все поступало в общину: на себя работать никто и не мыслил. Перед началом любого дела и по завершении его усердно молились, благодарили Создателя за милость к их общине.

От неправленного православия не отступали ни на шаг. Не признавали здесь ни государевых ревизий, ни податей и иных повинностей. Про себя они говорили: «Мы хранители истинного православия, мы не в воле царя-антихриста». Сойдясь на почве общей страсти к рыбалке с одним из мест-

---

² Седмица (устар.) – неделя.

³ Антихрист – противник Христа – человек, который явится перед вторым пришествием Христовым, выдавая себя за Бога, и воцариться над всеми народами. Будет уничтожен Христом Спасителем.

⁴ Двенадесятые праздники – двенадцать главных (после Пасхи) православных праздников. Вечером, накануне их, всегда служится торжественное всенощное бдение.

ных старцев поближе, Варлаам как-то любопытствовал:

– Вот вы, батюшка, себя староверами именуете, а почему вы считаете что старая вера отлична от нынешней?

– Известное дело, перво-наперво молимся по неправленным, первоисточным текстам и не кукишем, а двумя перстами, как и Сам Исус⁵ Христос. И крещение совершаем яко Он – полным погружением, а не брызганием на голову. Табаку не курим и не нюхаем оногo, инострану одёжу не носим, бороды не скоблим. Да много ещё чего...

– Тем не менее тьма людей новую веру приняла. Отчего вы так упорно старой держитесь?

– Вера, сынок, не штаны, чтобы менять. Вере износу нет, на то она и Вера, на том она и стоит. По какой вере наши родители жили, по той и нам надобно с их благословения. А за других мы не в ответе. Одно знаю – диавол тока слабых духом в своё войско прельщает...

Глядя на строгое соблюдение общинно-жительного устава, писанного еще Сергием Радонежским, лад в семьях и хозяйстве, почитание старших, Варлаам уверовал, что там, где следуют первородному православию, где царит дух добросердечия и братской взаимовыручки, живёт и дышит земля русская.

Решив обосноваться неподалёку от одного из потаённых поселений, юноша приглядел хотя и тесное, но надёжное

---

⁵ Исус – по первоначальным книгам имя Христа пишется с одним «и», а не с двумя, как повелел впоследствии Никон.

пристанище в дупле громадной сосны, росшей в версте⁶ от староверческого скита. Землю вокруг нее густо перевили мускулистые плети корней, а сам ствол был столь мощным и объёмным, что дупло у комля выглядело пещерой.

Обустроив временный приют, Варлаам начал валить лес для своего первого настоящего жилища. Купив у ставеров топор и пилу добела шкурил стволы, рубил венцы. Умения и сноровки ему, конечно, поначалу не хватало, он возмещал их упорством и старанием. Кровяные мозоли на руках постепенно сошли, кожа загрубела. К Рождеству Богородицы⁷ новопоселенец соорудил полуземлянку: нижняя часть на метр в земле, верхняя, из пяти венцов, над землёй. В этот же день Варлаам перебрался из временного жилища в избушку, напитанную густым смоляным духом.

Пышнобородые старообрядцы на первых порах настороженно относились к пришельцу, ибо ко всякому новому человеку были недоверчивы, А иначе и нельзя – попробуй-ка столетиями хранить устои попоранной веры. Но с течением времени молодой пустынный своим благочестием и прилежанием к труду смягчил их настороженность, а иных даже расположил к себе...

Удаление от мира и его греховной суеты, физический труд, молитвы, земные метания, строгий пост, беседы с пра-

---

⁶ Верста – 500сажен = 1500 аршин = 1066,5 метров.

⁷ Рождество Богородицы – христианский праздник, относящийся к двенадцатым праздникам. Отмечается 21 сентября, в день рождения Божьей Матери.

ведниками общины мало-помалу открывали перед Варлаамом всю глубину и гуманность почитаемой старолюбцами веры. Через год он прошёл переправу и с того момента, как ему повязали пояс, отделяющий греховное от возвышенного, Варлаам ни дня не ходил без него.

Изучая травы по подаренной ему игуменом книге, он познавал божественные силы, скрытые разных в былинках, овладевал искусством варить из них зелья от разных хворей. Живой, пытливый ум и острая наблюдательность Варлаама исподволь развивали в нём дар целительства.

Читал Варлаам вечерами при свете лучины, после любимого чая из листьев и ягод сушеной земляники. Поскольку лучины сильно коптели, а от дыма горчило в горле, да и сгорали они быстро, отшельник соорудил себе масляный светильник: вставил в плошку с конопляным маслом, которое научился давить, губчатую сердцевину рогоза, очищенную от «пуха». Она горела долго ровным, чистым, без чада, пламенем.

Способность Варлаама к целительству, внимание и обходительность к убогим влекли к нему страждущих. Плату за труды свои он не брал, а ежели кто настаивал на вознаграждении, тому говорил: «Христос наставлял: Даром получили, даром давайте».

Первые лета избушка Варлаама стояла одиноко, но по мере того как множилось число излеченных и через них ширилась в округе молва о необычайном даре новопоселенца,

рядом начали расти сначала землянки, а затем и основательные постройки.

Пустынника, предпочитавшего уединение, стало тяготить шумное окружение, и он перебрался вглубь тайги версты за четыре от выросшего вокруг его первой обители селения, уже получившего в народе к тому времени имя Варлаамовка.

Новое пристанище располагалось в подковообразном ложке под защитой громады серой, с зеленоватыми разводами лишайника, скалы. Из под её основания, вскипая песчаными султанчиками, бил родничок. Сбегая по ложку, он крепчал, шумел, сердился на крохотных водопадаках и замирал на карликовых плесах. Вода в ключе была всегда в меру студеная и настолько приятная на вкус, что каждый глоток доставлял ни с чем несравнимое удовольствие.

На следующий год возле своей пустыни Варлаам соорудил крохотную часовенку во имя особо почитаемой им иконы Семистрельной Божьей Матери.

***

Шли годы. С неослабной теплотой и душевным рвением отшельник помогал всем страждущим и немощным словом и делом. Никто не имел отказа, для каждого, по мере сил он старался творить добро. Дополняя зелья тихими и кроткими словами, а главное – исходящими от него любовью и участливостью, он ставил на ноги безнадежных и врачевал даже запущенные недуги.

Хотя послушать его, не по летам разумные, благочестивые

проповеди или излечиться от хвори по-прежнему приходило уйма люда, теперь ни один из них, из почтения к отшельничеству ревнителя древлеотеческой веры, поблизости селиться не смел.

Осенью 1863 года, когда Варлааму перевалило за шестьдесят, воздал Творец преданному человеку – привел прямо к порогу его обители мальчонку лет десяти-одиннадцати, одетого в сермяжные лохмотья, и даже креста нательного не имевшего. Стоял он сизый от холода, переступая босыми ногами на прихваченной инеем листве, и смотрел на Варлаама взглядом человека, познавшего всю горечь сиротства. Что удивительно, тяжесть пережитых невзгод не придавила его, не сделала униженно-заискивающим или недоверчиво-злобным. Напротив, малец отличался дружелюбием и самостоятельностью: кормился не подаяниями, как большинство бродяжек, а промыслом: копал съедобные корни, собирал орехи и ягоды, умело ставил на дичь силки, плетенкой ловил рыбу.

Варлаам понимал, что житие его на земле клонится к закату, и в этом немытом создании он узрел того, кто способен будет перенять и понести накопленные им знания и опыт далее. Старец принял отрока, как чадо родное. Да они и схожи были. Оба сухопарые, высокие, с серыми глазами на узких, благородных лицах, окаймленных волнистыми прядями волос.

Любознательному подростку, нареченному при крещении

Никодимом, учиться нравилось. Он с легкостью осваивал не только грамоту, но и краткое изложение основных истин христианства – Катехизис⁸, а затем и Библию, состоящую из Ветхого Завета и Нового Завета. С неослабным интересом постигая строго соблюдаемое в этих краях первоисточное православие, наизусть учил отрывки из почитаемого старолюбцами «Стоглава», псалмы из Псалтыря, до никоновой поры писанные. Но особенно возлюбил «Житие» и «Книгу бесед» протопопа Аввакума.

Пытливый парнишка стал понимать, что Бог есть начало и причина всего сущего. Что Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой, не есть три Бога, а Един Бог. Что сам Господь невидим и открывается людям посредством Слова, передаваемого через земное воплощение Бога – Сына Его – Иисуса Христа. Как образно объяснил Варлаам: «Бог это вроде солнца. Оно ведь являет собой не только раскалённое тело, а ещё испускает свет и даёт животворящее тепло. То есть, в нём одном, как и в Боге, заключены три сущности, неотделимые друг от друга».

Наряду с православием, Никодимка усердно вникал в азы врачевания. Помогал готовить всевозможные отвары, настои, мази. Запоминал что применятся внутрь, что наружно. Со временем, сосредоточенно глядя на растение, стал чувствовать от каких недугов оно может помочь.

---

⁸ *Катехизис – краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

– Молодец, сынок! – часто хвалил, поглаживая воспитанника по голове за понятливость и прилежание, Варлаам. В такие минуты счастливая улыбка озаряла лицо старца.

«Как непостижимо велик мир отмеченного Богом человека! Он и время употребляет по-иному. Там, где простой смертный его бездарно тратит, такой без пользы для души и ума не проведет ни минуты, – размышлял он, с радостью наблюдая за переменами в воспитаннике, – Сколько в этом малом добра, разума, трудолюбия, как он созвучен природе и вере нашей».

Однажды, мотаясь по лесу, парнишка услышал треск повалившейся от старости ели. Падая, та переломила ствол росшей рядом осины.

– Больно, больно! Помогите! – донеслось до Никодимки.

Он кинулся на помощь, но ни под деревом, ни возле никого не обнаружил. Перепуганный мальчонка рассказал о странном крике Варлааму. Выслушав ученика, тот посветлел:

– Сынок, мертвого на земле ничего нет. Божья сила разлита по всему, что нас окружает. Она и в дереве, и в скале, и в озере, и в зорьке. Все вокруг живое. Только не каждому дано это чувствовать. Коли ты услышал боль дерева, стало быть, дарована тебе свыше способность воспринимать чувства других... Даст Бог, хорошим целителем станешь.

Ветлужский монастырь

Как-то в затяжной июньский вечер у хижины отшельника остановились две ладно сработанные повозки. В сумеречной тишине было слышно, как пофыркивают, отмахиваются от назойливых комаров лошади. К вышедшему на порог хозяину обители приблизился, снимая на ходу с головы острокопечный куколь, крепыш лет девятнадцати, с пронизательными, серыми глазами. Назвался схимник Маркелом. Сопровождавшие его возницы стянули с лохматых голов ермолки и учтиво поклонились старцу.

Люди прибыли к Варлааму с милостивой просьбой от почитаемого в округе настоятеля потаенной староверческой пустыни князя Константина приехать к нему по неотложному делу, непременно захватив лекарские снадобья.

Пустились в путь, забрав и Никодима, затемно, под шепот начавшегося мелкого, въедливого дождика. Сразу погрузневшие деревья понуро склонили отяжелевшие от влаги ветви. Узкую, извилистую, едва заметную ленту дороги, выющую по глухому лесу, то и дело пересекали бугристые корневища вековых елей. Порой она съезжала в болотистое мелколесье, где колеса вязли во мхах, усеянных кустиками клюквы. Однако сильные, откормленные лошади и там тянули ровно, без насады. Варлаам с одобрением отметил, что возницы не хлестали коней, хотя у каждого на руке висела

сыромятная плетка. Понятливые животные и без принуждения старались вовсю.

На пологой хребтине дорогу путникам пересекли лоси. Они остановились, повернув головы в сторону обоза. Слабые зрением, сохатые долго водили мордами, всматривались в нечёткие силуэты и, разглядев наконец в пелене дождя людей, пустились наутек иноходью.

Довольно часто поднимали с ягодников дичь: то тетеревов, то глухарей. Шумно ударяя крыльями, они отлетали поглубже в чащу и, рассевшись на ветвях, покачивались, сторожко озираясь.

На следующий день, когда на смену угрюмым, мрачноватым елям появились жизнерадостные сосны, наметилась перемена и в погоде. Тучи, обнажая прозрачную синь, отползли к горизонту. Лес залили снопы солнечных лучей.

Когда путники подъезжали к монастырю, их облаяла косуля.

– Чего это она бранится? – удивился Никодимка.

– Шумим сильно, вот и намекает: потише, мол, надо подле святой обители, – повернулся к нему Варлаам.

Располагалась пустынь в глухом лесу, в удалении от дорог. За стенами из дикого камня блестели свежеумытые луковицы церкви, возвышающиеся над всеми остальными постройками.

Постучали в сколоченные из толстых плах и обитые железом ворота. В ответ предупреждающе залаяли псы, послы-

шалось ржание коней. Через некоторое время глухой голос справился:

– Кого Господь дарует?

– Молви настоятелю: старец Варлаам прибыл.

Ворота отворились. Въехали во двор, покрытый мягкой травой-муравой. Обнюхав чужаков, собаки, чуть покрутившись, позевали, повытягивали спины и забрались каждая в свою конуру. Из приоткрытой двери церкви доносились красивые гласы песнопения.

Маркел, соскочив с повозки, помог слезть старцу и повёл его через двор. Остановились под березами возле крыльца отдельно стоящего здания, соединенного с другими, крытыми переходами. Перекрестившись перед входом, отвесили земные поклоны. Поджидавший их схимник повёл Варлаама в покои настоятеля. Оказавшись в гостевой, старец вновь перекрестился три раза в красный угол, где стояла деревянная божница с образами и висела лампада; сотворил молитву, и только после этого прошел в почивальню.

На кровати полулежал, полусидел, прикрытый огромным медвежьим тулупом, остроносый, изможденный человек, в серой рубахе с воротом, расстегнутым ниже выпиравшего кадыка. Из-под густых бровей на старца внимательно глядели ввалившиеся глаза. Оправив черную, с легкой проседью бороду, больной произнес:

– Прости, отец, что не могу приветствовать тебя должным образом. Благодарствую, что уважил... Молва докатилась,

что обладаешь ты даром исцеления от хворей. Покорно прошу, пособи и мне, Христа ради. С весны занедужил. Ломота замучила, да бессонье одолело, а теперь и вовсе сил лишился.

Варлаам, оmyвши руки и лицо, не торопясь, прощупал, простучал болезного.

– Ваше высокопреподобие, не хворь у вас – то недруги порчу наслали. Вот снимем ее, и силы вернутся.

Старец провел в почивальне несколько часов и вышел оттуда посереvший лицом, еле двигаясь.

– Прошу не входить. Преподобный спит, – прошептал он.

И – диво дивное! – на радость всем игумен со следующего дня пошел на поправку.

Надо заметить, что князь Константин, был весьма многотим в староверческой среде, и уже немало лет являлся настоятелем монастыря, славившегося особой преданностью первоисточному православию. Не подчинялись здесь ни архиереям⁹ новообрядческой церкви, ни государевым людям.

В стародавние времена, когда после очередного царёва указа «скиты порешить, старообрядцев в новую веру крестить», государевы слуги принялись силой брать непокорных священнослужителей, не желавших признавать «антихристову власть» и, заковав в кандалы, держать их в земляных ямах до покаяния, а упорным резать языки и полосовать

---

⁹ Архирей – общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

тела кнудом, предки князя Константина, не жалея средств, скупали древние святыни, первоисточные рукописи и церковную утварь старой Руси, спасая эти реликвии от поругания. Господь к ним был милостив. Сумели они с верными людьми переправить собранные сокровища в сию глухую пустынь и укрыть в недрах подземных хранилищ.

Выздоровливающего настоятеля после простой снеди, вкушаемой совместно с насельниками монастыря в общей трапезной, Варлаам начал водить на прогулки. Он с первого дня почувствовал в князе родственную душу. А их общая беззаветная преданность идеалам первородного православия и многоначитанность только укрепляли возникшую симпатию.

Побродив по монастырскому двору, они, как правило, уединялись в тихом закутке, в тенистой прохладе берез и чинно перебирая кожаные лестовки¹⁰, подолгу беседовали о жизни святых, их пророчествах и подвигах, изложенных в «Четьи – Минеи¹¹». Особенно дотошно разбирали «Злато-

---

¹⁰ Лестовка (лестница) – распространенный в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип четок. Представляет собой плетеную замкнутую кожаную ленту, сшитую петлём. Символизирует собой одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной жизни. Употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов. Двенадцать первых «узелков» (валиков) – это 12 апостолов, за ними 38 – это 38 недель, что Пресвятая Богородица Христа в чреве носила. Следом 33 «узелка» – возраст Христа. За ними семнадцать «узелков» – 17 Его пророчеств.

¹¹ Четьи-Минеи – сборники, содержащие тексты поучительного характера.

струи», «Пролог», услаждая души нескончаемым общением. Иногда и спорили.

Во время одной из таких прогулок разразилась гроза. К ним тут же прибежал Никодим: принес широкую рогожину укрыться от дождя. Под ее защитой собеседники перебрались в келью настоятеля.

– Почтительный у тебя ученик! – заметил игумен. – А то ноне в городе молодые бороды побрили, заветы отцовы да дедовы позабыли.

– Да что бороды... Не в том ересь. Зелье проклятое курить чуть не все принялись. И что хуже всего – за достоинство сей грех выставляют! Срамота!

– Сам-то табак что – такая же божья травка, как и всякая другая, а вот то, для чего её используют это точно, от диавола. И пыхают ведь дымом из уст яко он.

– Вестимо, своеволие и непослушание на Руси от Никона пошло! С той поры народ наш больно слабостям подвержен стал. О будущем не мыслит, страха Божьего не ведает. Что есть – враз пропъет, али в кости проиграет. Иной даже детям родным крошки не оставит. Трудиться своей волей разлюбил. Все из-под палки. Завистливые и вороватые народились. Отступили от догматов истинного православия, и раскололось, растлило наше племя! Встарь на Руси не ведали эдакого воровства да пьянства. Это всё – происки антихриста... До Никона-отступника и церковь была не мятежна, – с болью продолжил настоятель.

– А коснись нас, – живем мы в мире со всеми, зла никому не делаем. Оне сами по себе, мы сами по себе – оставить бы пора в покое наши общины. Так ведь нет, все пуще ярятся щепотники. Теснят, загоняют нашего брата, в глушь трущобную. Кто в лесах непроходимых, кто на островах речных хоронится, кто в пещерах мрачных хоронятся, кто в самые дальние, антихристам не доступные, скиты ушел. А кто и вовсе Рассею-Матушку покинул... Ведь из-за чего в первую очередь воспротивились Никоновым новинам братья наши: это ж надо придумать – кукишем крестное знамение творить! Срам да и только! Как мыслимо такое?! Ведь соединение большого и двух нижних пальцев, символизирует Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Прямые указательный и средний пальцы указывают на два естества Христова: божественное и человеческое. И вдруг всё это безосновательно переменяли. Запомнили, что решением Стоглавого Собора 1551 года двуперстие запрещено было изменять под страхом анафемы. Да и сами старые-то обряды были куда праведней¹².

– Что верно, то верно! Самим Христом заповедано двумя

---

¹² Никоновы нововведения кроме троеперстия, подчинения церкви государству и объявления царя помазанником Бога, включали в себя много других аспектов – сокращалась литургия, чин покаяния, тексты некоторых молитв. Крещение полным погружением (как Иисуса) заменили обливательным. Изменилась даже форма креста (восьмиконечный на шестиконечный). Вводилось хождение вокруг алтаря «противу солонь» (т.е. против движения солнца) вместо «по солонь».

перстами крест класть. Щепотью не Богу молишься, а дьяволу. Будь ты хоть какой веры, только крестись истинным крестом. Наш народ в делах веры сильно привержен букве и точному соблюдению обряда. Он твёрдо знает, что молитва действует лишь тогда, когда в ней не изменено ни одно слово и прочтена она исстари установленным напевом.

– Справедливо речение твоё. Встарь, до Никона, православие было чисто и непорочно... Эх, всё у нас русских есть для достойной жизни, но не хватает, не достаёт нам сплочённости и самоуважения. Правители повадились под иноземные порядки подлаживаться, а свои предавать забвению или вовсе запрещать. В этом, я полагаю, основная причина происходящих бедствий и несчастий.

– Но вот что интересно, в каком еще народе найдешь такую готовность помочь ближнему, такое радушие, такую силу и неприхотливость. Мы, конечно, сверх меры терпеливы, но ведь именно терпением собиралась и созидалась земля Русская, величаемая в дониконову пору Третьим Римом. Какие возводились храмы, ширились города! Так что терпение, быть может, и есть ценнейшее качество нашего народа! – подытожил игумен.

– Но вместе с тем, пожалуй, и горе, – мягко возразил старец...

Общность интересов всё крепче связывала этих людей. И неудивительно, что вскоре Варлаам стал у настоятеля особо доверенным лицом – духовником. Почтение и симпатия кня-

зя к старцу были столь велики, что он, решив открыть ему свой сокровенный схрон, повёл его через потаенный ход в скрадень, где в обитых железом сундуках хранились святыни старой веры: книги с серебрянными наугольниками, кресты, кадила, схима и иконы, в их числе древний образ Святой Троицы в ризе из тонколистового золота, с тиснённым орнаментом, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена ещё Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле.

С благоговением приложившись к ней, Константин обратился к Варлааму:

– Отец, за то, что исцелил меня, благодарен безмерно, но, – тут игумен понизил голос, – душа моя неспокойна, чует гибель близкую. Коли и вправду Царь Небесный приберет до срока, позаботься о святынях наших, не дай сгинуть им. Сдается мне, что здесь их уже не уберечь. Антихристовы прислужники не дремлют. Весть до меня дошла, будто подписано новое указанье: все староверческие обители порешить, как угрозу нонешней церкви. Думаю надобно готовиться к уходу на восток за бугры Уральские, за реки Сибирские, в недоступный Байкальский край. Там по слухам утраченный человечеством Рай, ибо сказано в пророчествах: «с востока свершится второе пришествие Иисуса Христа на землю». В тех краях немало уже нашего брата осело. Лишь в тамошней глуши и возможно уберечь сии реликвии до явления Спасителя.

В монастыре у нас разный люд, но в ком я уверен, так это в отце Федоре и его сыне Маркеле. Доподлинно знаю, что Федор семь попов к нам привел. Не убоился ни закона «О наказаниях», ни ссылки в Сибирь, ни каторжных работ. Ежели что, он меня заменит, а Маркел с людьми особо верными и стойкими в Сибирь пусть отправляется... На Никодима твоего, я думаю, тоже положиться можно. А дабы не угас огонь веры нашей, надобно жить им там не по монастырскому уставу, а по мирскому – семьями, но в жены чтобы брали девиц только из единоверцев. Коли удастся той общине первородную чистоту православия и её святыни бесценные сохранить, то может статься, к ней и явится в свой срок Христос Спаситель. То будет светлый день всеобщего Воскресения и освобождения от тления

Прошла неделя. После полнощной службы, когда иноки читали в своих кельях молитвы и творили неустанно поклоны, Варлаам, проживавший в боковушке подле покоев настоятеля, был разбужен невнятными, но требовательными голосами. Почуяв неладное, старец бросился к выходу, но дверь не отворялась. Он принялся стучать и звать на помощь. Наконец на шум прибежали монахи. Они с удивлением обнаружили, что дверь в келью Варлаама подперта снаружи колом. Еще больше изумились, когда освобожденный старец, ни слова не говоря, бросился прямо в покои игумена. Зайдя следом, монахи при свете свечей увидели преподобного Константина бездыханно лежащим на полу, залитом кровью.

Рядом валялся топор. Ящики в столах выдвинуты, повсюду в беспорядке разбросаны вещи, бумаги.

У старца перехватило дыхание. Крестьясь, он пал на колени подле убиенного и зарыдал:

– Господи, прости мя, грешного! Не уберег богомудрейшего человека, а ведь он ведал, предупреждал!.. Господи, отправь извергов, сгубивших его, на муки вечные в геенне огненной!

Панихида по усопшему длилась сутки. Положив семипоклонный начал и отпев «вечную память», погребли князя Константина в одном ряду с могилами прежних настоятелей монастыря. На надгробном камне высекли:

«Раб Божий Константин.

Он жил во славу Божию.

Кто добром помянет – того Бог не забудет».

Душегубов князя, скрытно проникших в монастырь, так и не изловили. Обнаружили только верёвку, свисавшую с монастырской стены наружу, в сторону глухого леса.

На следующий после погребения день, Варлаам призвал Никодима. Внимательно вглядываясь в очи воспитанника, он, подчеркивая важность момента, положил обе руки на его плечи.

– Сын мой, место здешнее, прежде крепкое, теперича стало ненадёжным. Того и гляди, царевы прислужники заявятся. А в монастырских тайниках хранятся многие реликвии, в их числе одна из самых почитаемых – икона Святой Тро-

ицы древлего письма. Их здесь нам не сохранить. Выведают, сожгут либо разграбят. И веру нашу в чистоте здесь не сберечь. Обложили кругом антихристы. Одно спасение – вывезти святыни в безлюдный Забайкальский край, почитателям истинного благочестия давно полюбившийся. Так великомученик Константин перед страшной своей гибелью наказывал. Готов ли ты, чадо мое, сообща с сотоварищами исполнить дело сие многотрудное, аль не зрел ещё? – Варлаам испытующе всматривался в лицо ученика.

За годы, прожитые у старца, Никодим сильно переменился. От прежнего худошавого отрока сохранился лишь задорный чуб. Был он теперь высок ростом и широк в плечах. Но выделяли юношу не столько эти внешние достоинства, сколько внутренняя сила, исходившая от него.

Никодим в глубочайшем волнении бухнулся на колени и горячо поцеловал руку старца:

– Отец, твоя воля – святая воля. Не посрамлю. Все исполню в точности, как велишь. Реликвии бесценные, с Божьей помощью, до места с сотоварищами доставим. Сбережем, живота не щадя.

Произнеся это, он взял в руки книгу Ветхого Завета в бархатном переплете с прочными пергаментными страницами из тонко выделанной телячьей кожи и, в подтверждение крепости клятвы, приложился к ней сначала губами, потом лбом.

Из красного угла на это действие внимательно и строго визи-

рал лик Христа.

Варлаам, довольный тем, что не ошибся в воспитаннике, продолжил:

– Скоро ляжет снег. Посему пускаться в дорогу нынче не резон. Отправитесь весной. Покуда будете собираться я Устав для вас напишу.

– А вы, что не с нами?

– Нет, сынок. Дорога многотрудная, молодым только под силу. Наставником вам преподобный Константин определил ещё при жизни – Маркела. Я хотел бы, чтоб он заместо старшего брата стал тебе.

***

Всю зиму 1870 года продолжалась скрытная подготовка к дальней дороге. Варлаам тягучими студеными вечерами писал для новой общины устав, надиктовывал воспитаннику составы травяных сборов от возможных хворей, раскрывал свои целительские секреты. Никодим, имеющий редкостную память, впоследствии, через много лет, подробно воспроизвёл всё услышанное и частью записанное в своих рукописях-наставлениях.

Весна пришла поздно, но пронеслась быстро и неудержимо. Окна келий, еще недавно покрытые толстым слоем льда, оттаяли. Сразу после того, как спала вешняя вода, подсохли дороги, ночью втайне погрузили в уёмистые телеги скарб, инструмент (в основном топоры, пилы да лопаты), провиант, боеприпасы к двум кремниевым ружьям, кованые сундуки

с иконами и книгами старопечатными, завернутыми для лучшей сохранности в бересту, отслужили напутственный молебен и еще затемно тронулись.

Медленно пробуждаясь ото сна, утро поднимало с земли молочные веки предрассветного тумана. С ветвей густо капала холодная роса. Продрогшие Варлаам с Федором, отцом Маркела, идя рядом с подводами, на ходу наставляли любимых чад:

– Заповеди Господни и заветы прадедов исполняйте неукоснительно и стойте за них неколебимо, во веки веков. Отеческие святыни оберегайте пуще жизни. Придет время – востребуются они Спасителю для воскрешения истинного православия на обширных пределах государства нашего многострадального. Во всех нуждах и тяготах обращайтесь с молитвою к единственному заступнику – Создателю.

– Всё делайте сообща, мирно, без перекоров. Зла никому не чините. Кого в нужде встретите – помогайте: вера без дел мертва! Чем больше благих дел сотворите, тем больше щедрот вам воздастся. Токмо от скобленных да табачных рыл держитесь подальше.

Остановившись, долго махали в след обозу:

– Помогай вам Господь, Аминь!

Впереди, держа лошадь под уздцы, широко шагал Никодим. Он как-то враз преобразился. Стал собранней, суровой. Казалось, что даже его курчавая юношеская бороденка, подковой обрамлявшая прямоносое лицо, загустела и стала

жестче. Молодой годами, Никодим чрезвычайно гордился, тем, что она у него окладистой и гуще, чем у сверстников.

Долго ещё стояли у дороги Варлаам с Федором в армячках, накинутых на плечи, беспрестанно шевеля губами. Глядя туда, где скрылся обоз с девятнадцатью лучшими послушниками, они творили напутственные молитвы. Оба понимали, что никогда уже больше не увидят этих, столь дорогих их сердцу, людей. Лишь моления и беспокойство за судьбы ушедших остались на их долю...

Путь до Байкал-моря предстоял долгий и трудный. Продвигались по самой глухомани, обходя тракты и царские заставы. В дороге встречали и беглых варнаков, и вольных промысловиков, и обиженный работный люд; видели и горе людское, и радость нечаянную. Почти у всех ноги попервости избились до крови

Никодим, с малолетства привычный к дальним странствиям, научил сотоварищей перед сном держать ступни ног в отваре из дубовой коры. Через несколько дней кожа у всех настолько продубилась, что путники забыли про мозоли.

В начале августа показались оплывшие от старости мягкие предгорья, а за ними и скалистые вершины Камня¹³ окутанные голубоватой дымкой, отчего они были похожи на головы седеющих великанов. Караван незаметно углубился в невиданное доселе царство вздыбленной тверди, покрытой тёмнохвойным лесом с упавшими деревьями, одряхлев-

---

¹³ Камень – так в старину называли Уральский хребет.

шими пнями, рывтинами, прикрытыми ажурным папоротником. Время изрубцевало отроги шрамами, осыпями, промоинами. Входное ущелье, унизанное, словно пасть хищного зверя, зубьями скал, как бы предупреждало путников об опасностях и лишениях, ожидавших их впереди. Из хмурой глубины хаоса хребтов на караван надвигалась непогода. Тайга глухо зарокотала, завыл ветер, следом полил дождь.

Тут им несказанно повезло: дым, тянущийся из бокового распада, привёл их к хоронящемуся в его глубине староверческому скиту. Промокшие, обтрёпанные ветлужцы перед штурмом главного перевала задержались у братьев по вере на неделю: чинили одежду, обувь, приводили в порядок снаряжение.

Вместо телег, непригодных для движения по горам, наделали из березовых жердей волокуши и, перегрузив на них всю свою поклажу и дощаный ящик с десятком кур, в сопровождении одноверца из местных, двинулись к вздыбленному рубежу, отделяющему Европу от Азии.

Ущелье, по которому они поднимались на перевал, загибаясь вверх, ветвился на более тесные и короткие. Их склоны покрывали островерхие ели и выветрившиеся руины серых скал. Почти достигнув перевальной седловины, обоз уперся в непроходимый для лошадей обширный многоярусный ветровал из упавших друг на друга в переклест суковатых стволов. Пришлось поворачивать обратно и повторять подъем по сопредельному ущелью. С трудом одолев затяжной подъём,

всё же вышли на водораздел.

Седловина оказалась гладкой, словно вылизанной переползавшими через нее облаками. Лишь в центре торчало несколько разрушенных временем каменных пальцев, стянутых понизу обручем из обломк угловатых глыб. Уже собравшееся в свою опочивальню солнце ещё достаточно хорошо освещало окрестную панораму.

На востоке, подступая к хребту, волновался зеленокудрый океан, кое-где рассеченный витиеватыми прожилками рек и щедро украшенный блестками больших и малых озер. По его изумрудной ряби не спеша плыли тени облаков. Огромность и бескрайность открывшегося простора вызывали трепет и благоговение. Какое приволье! Сибирь!!! Трудно представить, что тянется эта таёжная страна от Урала до самого Тихого океана шесть тысяч вёрст!!! На южной и северной окраинах сибирская тайга редет, а средний, весьма кстати широкий пояс в одну-две тысячи верст – это натуральные дёбри, заселенные людьми только по берегам великих сибирских рек и, отчасти, по их притокам. Русский люд живет там отрезанный от всего мира. Лишь одна постоянная ниточка соединяет эти огромные пространства Российской империи с Москвой и Санкт-Петербургом – Сибирский тракт.

Взобравшись на ближнюю скалу, Никодим сел на плоский уступ. Несмотря на приближение вечера, он был довольно теплым, и юноша невольно погладил шершавый, местами покрытый лишайником, бок камня. Бескрайние дали заворо-

жили его. Душевное волнение, нахлынувшее на юношу, всё усиливалось. Его переполняло желание воспарить над этим простором и лететь вслед за плывущими по ветру рваными клочьями облаков, созерцая изъеденные временем грани отрогов, распадки, речки.

Впервые оказавшись высоко в горах, восхищённый Никодим как-то сразу, на всю жизнь, страстно полюбил эти вздыбленные цепи каменных исполинов – самое величественное творение Создателя.

Обнаружив за скалами озерцо с ледяной водой, решили заночевать прямо на его берегу. Закатный свет алыми волнами разливался по небесному раздолью, окрашивая грани отрогов нежным пурпуром. И такая библейская тишина воцарилась вокруг, что Никодиму казалось, будто слышно, как перешёптываются между собой горы-великаны...

Путникам не спалось. Взволнованные необычностью обстановки, они ожидали чего-то сверхъестественного и потустороннего: ведь отсюда до царства Творца, как им представлялось, рукой подать. Однако всё шло, как обычно. Своим чередом высыпали всё те же звезды с Большой Медведицей во главе. Всё та же медовая луна, недолго поскитавшись между ними, скрылась за горой. Сразу стало темно – хоть глаз выколи, зато над головой зажглась уйма новых звёзд.

Под утро край неба на востоке, еще не начав светлеть, стал, как бы подмокать кровью, хотя солнце еще долго не покидало своих покоев. Наконец проклюнулась пунцовая кап-

ля, и первые лучи брызнули во все стороны. Капля на глазах наливалась слепящим свечением и в какое-то неуловимое мгновение оторвалась от обугленной кромки горизонта и, на ходу раскаляясь добела, поплыла, пробуждая землю, погруженную в тишину и прохладу. Только гнусавый крик высоко летящего ворона нарушал утренний покой.

Воздух за ночь настолько очистился, что утратил сизую дымчатость, и путникам удалось обозреть восточные земли на много верст дальше, чем давеча. Но и там простиралась все та же зеленая равнина без конца и края, без края и конца.

Сознание того, что до самого Тихого океана многие тысячи верст дикой, почти безлюдной тайги, будоражило и волновало воображение путников. Им казалось, что здесь черта, отделяющая их от всей прежней жизни. На западе от нее хоть и привычный, но враждебный мир, а впереди неведомая, пугающе бескрайняя, земля Сибирская, в которой не мудрено и сгинуть...

Перед утренней молитвой Никодим, как обычно, достал аккуратно завернутую в холстину икону Николая Чудотворца, которую дал ему в дорогу старец Варлаам, и водрузил её на камень. После окончания службы путники еще долго стояли на коленях. Глядя на святой образ, каждый просил защиты и покровительства.

Когда спустились с гор, изнурённая братия единодушно поддержала предложение Маркела остановиться на зимовку на высоком берегу у подножья глубоко вклинившегося в рав-

нину скалистого отрога. На стремительном речном перекате постукивала по дну галька; играли, скользили по воде солнечные блики, между которыми сновали бойкие пеструшки¹⁴. Волны мягкими кулачками то и дело окатывали песчаную косу. Это место, защищенное от северных ветров, идеально подходило для становища.

У подола горы путники вырыли под землянки две глубокие ямы. Покрыли их накатником, завалили сухой травой и листвой, а сверху настелили пласты дерна. Земляные стены, чтобы не осыпались, укрепили жердями. Возле дверей с обеих сторон оставили небольшие проёмы для света. В центре землянки сложили из камня и глины печи. Лошадям соорудили шалаши наподобие конюшен. Для их прокорма заготовили сена, нарубили берёзовых веток.

Подоспела осенняя пора. Всё окрест раскрасилось яркими, сочными красками. Не верилось, что скоро земля и небо сольются в белом одеянии.

Отроги оставшихся позади гор в прозрачном воздухе проступали настолько рельефно и чётко, что казалось, будто они приблизились к становищу. Природа оцепенела от своей красоты, всё было пропитано грустью – не за горами зима. Завершалась осень уныло: дождь, хмарь. Однако братия, успевшая наладить свой быт, не тужила и занималась последними приготовлениями к зиме.

В один из таких промозглых вечеров их всполошил нара-

---

¹⁴ Пеструшка – речная форель.

тающий гул. Встревоженные люди, выскочив из землянок, остолбенели: с гребня отрога прыгая по скальным уступам и, разваливаясь при ударах на части, прямо на них катились большущие камни.

– Ребята, открываем лошадей и бегом на косу! – нашёлся Маркел.

Когда камнепад стих, братия с опаской вернулась в лагерь. На их счастье осypью смяло лишь навес из корья, под которым вялилась рыба. Разглядывая широкое полукружье скатившихся камней, люди с облегчением вздохнули: окажись землянки на сажень¹⁵ пятнадцать левее, их завалило бы.

– Бес нас страшит, а Господь хранит и призывает к осторожности, – истолковал происшедшее Маркел.

Впоследствии даже перед кратким привалом путники всегда старались располагаться на безопасном расстоянии от крутых склонов.

Беглецы знали, что за Камнем есть разрозненные ски-ты единоверцев, но пока им не попадались. Исполняя наказ старцев, Маркел вёл свой небольшой отряд за озеро Байкал-море. Весной старолюбцы вновь тронулись в путь, продираясь через чащобы немерянныe, обходя топи, мхами покрытые, переправляясь на плотах через реки могучие, полноводные, кипящие водоворотами так, словно в их глубинах беспрестанно ворочаются гигантские чудища.

Провидение и непрестанные охранные молитвы святого

---

¹⁵ Сажень – 2.16 метра.

старца Варлаама помогали им в пути.

Сколько уж поколений русского люда входит в эту Сибирскую страну, а все пустынна она – до того велики ее пределы. Но как дружны, добры, приветливы люди, живущие там.

Сибирская отзывчивость и взаимовыручка хорошо известны. Терпишь бедствие – все бросятся спасать. Голоден – разделят последний ломоть хлеба. Взаимовыручка – непреложный закон этих суровых и глухих мест – иначе не выжить! Ощутили их гостеприимство остановившиеся на следующую зимовку у братьев по вере и ветлужцы. С приходом весны, как только подсыхала земля, путники снова трогались, продвигаясь все дальше и дальше на восток, навстречу солнцу.

Наконец стали встречаться староверческие скиты. Их принимали как своих и делились всем, что сами имели, а ветлужцы в ответ усердно помогали хозяевам чем могли: справляли конскую упряжь, плели чуни – сибирские лапти, гнули сани, мастерили телеги, бочонки для засолки, валили лес. Осенью били кедровые орехи – в Сибири мелкосеменная сосна сменилась кедром, родящим шишки с вкусными, питательными зёрнышками.

В Чулымском скиту два брата – Арсений и Мирон – за зиму так крепко сдружились с ветлужцами и особенно с Никодимом, что весной, немало огорчив родню, пошли вместе с ними, не убоявшись неизвестности и тягот дальнего перехода. В их глазах ветлужцы были подвижниками, Богом от-

меченными хранителями отеческого православия.

На каждой зимовке один, а то двое или трое обзаводились семьями. И что любопытно, первым женился уже во вторую зимовку, самый молодой – Никодим. В жёны взял полногрудую, миловидную и шуструю Пелагею – дочь Феофана. Благословил её отец словами:

– Готова будь, дочь моя любезная, к трудностям похода. Не ропщи и почитай мужа своего. Будь ему во всём надёжной опорой.

Пелагея еще в дороге принесла Никодиму сразу двойню: сына Елисея и дочку Анастасию.

Забайкальский скит

Путникам не единожды пришлось менять изъезженных коней и разбитые волокуши, искать обходные пути, дабы не попасться на глаза государевым людям, прежде чем добрались они, наконец, к середине лета 1874 года до стрельчатых хребтов Байкальского края, с давних пор облюбованного старолюбцами. Исполняя волю преподобного Константина, одолели они по бездорожью четыре тысячи вёрст, истоптали не одну дюжину лаптей.

Натерпелась братия в дороге лишений с избытком. Четверо из них остались лежать под могильными холмиками. К счастью, не померла в пути ни одна из женщин взятых путниками в жёны во время зимовок и ни одно народившееся в дороге дитё. Видно, Господь заботился о приумножении их общины. В итоге достигло цели пятнадцать из девятнадцати ветлужцев, двое примкнувших сибиряков, восемь женщин и семеро ребятешек.

Место для поселения нашлось как-то само собой. Пройдя между нагромождений валунов, закрывавших вход в лесистый распадок, люди увидели после надоевшего тёмного, насупленного ельника чистый пригожий березняк. На белых ветвях там и сям чинно восседали тетерева. Путники, умянные угрюмостью байкальской тайги, невольно оживились. Тут же шумела речка с прозрачной водой. Вдоль её берега

тянулась поляна с янтарно-пламенной морошкой, едва ли не самой вкусной и сочной, просто тающей во рту ягодой, совмещающей в себе вкус спелой дыни и земляники.

Только решив остановиться, путники осознали, сколь рискованный и тяжёлый переход по невообразимо-огромному пространству они с Божьей помощью завершили, исполнив тем самым волю любимого игумена, князя Константина.

Теперь им предстояла большая и напряжённая работа по устройству поселения. Они с воодушевлением принялись за дело.

Выбрав для строительства скита-деревни пологий увал, неподалёку от реки, Маркел объявил, – «Негоже нам, православным, ютиться дальше в сырых землянках. Избы сразу будем ставить добротные. Зимы здешние суровой расейских, потому и готовиться надобно основательно. Хорошо потрудимся – выживем, послабу себе дадим – пропадем!»

Никто не возражал. Все понимали, что как на голом камне трава не растёт, так и без труда жизнь не налаживается.

Отслужили молебен и споро взялись за дело. Деревья валяли посмолистей, с плотной древесиной и ровным, высоким стволом. Ударишь по такому бревну, на другом конце слышен звук похожий на звон колокола. С расчищенного от леса увала с утра до вечера несея дробный перестук топоров, звон пил ветлужцев. Сибиряки Арсений и Мирон занимались вместе со своими лайками охотой и рыбалкой. Женщины, тем временем, запасали ягоды, грибы, коренья, суши-

ли травы, колотили орехи, вялили наловленную рыбу и добытое мясо.

Места под дома выбирали так: раскладывали на земле куски толстой коры и через три дня смотрели – если под корой пауки да муравьи – плохое место, если дождевые черви – подходящее.

На исходе шестой седмицы, когда мягкую хвою лиственниц окропили рыжими пятнами первые утренники, на бугре уже стояло несколько желтостенных, слезящихся янтарной смолой изб, а перед Покровом Пресвятой Богородицы, на радость всем и просторный молельный дом вырос. Довольные новопоселенцы, после вознесения благодарственных молитв Господу, пели песни и ликовались¹⁶.

Все постройки освятили нанесением на стены изображения восьмиконечного креста и окроплением жилища святой водой. Теперь можно было и жить и служить по чину. Но раньше всех всё же, у студеного ключа, впадавшего в речушку, выросла курная баня с каменкой – первейшая отрада русского человека. После ее посещения, исхлеставши тело духмяным березовым веником, всякий молодец, а хвори отступали. Недаром на Руси говорят: «Кто парится – тот не старится». Можно только удивиться тому, что, по заветам византийских монахов, мытье с обнажением тела считалось грехом. Слава Богу, этот неразумный для северной страны по-

---

¹⁶ Ликоваться – старообрядцы, как правило, не целуются, а ликуются – то есть щекой прикладываются к щеке другого.

сыл русским православием не был принят, и вековые обычаи мыться в бане с веником не только держатся, но и укрепляются, несмотря на греческие проклятия.

Время пролетало в каждодневных хлопотах: труд до седьмого пота и молитвы, молитвы и снова труд. На трапезу уходили считанные минуты. Об отдыхе и не думали – приближалась зима!

Уже по снегу, готовили дрова, строили для лошадей и четырех коров, купленных у усть-ордынских бурятов, бревенчатый сарай. А в следующем году соорудили из врытых стоймя в землю и заостренных сверху бревен заплот. Получился настоящий скит.

Наипервейшим делом у поселян всегда было служить Господу и угождать Господу. Служить и угождать не столько словами, сколько делами, ибо в Соборном Послании святого Апостола Иакова сказано: «Вера без дела мертва есть». В двенадцатые праздники богослужение совершали особенно усердно: вплоть до восхода солнца.

Жили единым уставом, Варлаамом писанным. И никакие происки и соблазны дьявола не могли нарушить лад в общине.

Зима явилась в одну ночь. Вчера еще было довольно тепло, сухо шелестели под ногами опавшие листья, и – на тебе! – за ночь тайга и горы покрылись пушистым саваном, загнавшим в теплые норы и дупла все живое. Через пару недель подоспел и мороз. Лёд на речке от вцепившейся стужи трес-

кался, а солнце, еле пробиваясь сквозь витавшую в воздухе изморозь, почти не грело.

Первая зимовка далась тяжело. зима оказалась длиннее и студенее, чем ожидали. К весне люди стали страдать ещё и от нехватки соли. Сена для скотины тоже не хватало.

Слава Богу, хоть дров было с избытком – не мёрзли. После крещенских морозов не выпадало и пары дней без пурги. Ветер, сгоняя с гор густые залпы снега, сутками яростно бился о бревенчатые стены, замечая всё, что возвышалось над белым покрывалом. В его рёве слышалась затаённая глухая угроза. Залетая в трубу он завывал особенно тревожно. Двери в домах пришлось перевесить с тем, чтобы они отворялись внутрь избы – иной раз за ночь так наметало, что их засыпало до самого верха. Скитники поначалу прокапывали в снежных наметах между постройками траншеи, но вскоре бросили это бессмысленное занятие и стали ходить за дровами и к хлеву кормить коров и лошадей чуть ли не по крышам.

От голода и болезней поселенцев спасали заготовленные впрок ягоды, орехи, грибы и травы. Но больше всего поддерживала охота на лосей и заготовленные с осени пролётные гуси и утки. Наваристый бульон из них и строганина из лосятины с лихвой возмещали нехватку хлеба и других продуктов. Так, благодаря терпеливости, усердному труду и приобретенному в пути опыту, студеную снежную пору пережили без потерь.

* * *

Весна! Ее живительный натиск разбудил ручьи. Оттаявшая земля источала дух прелых листьев. На ветвях набухали смолистые почки. Вербы у реки покрылись нежным, жёлто-серым пухом. Молодая травка, с трудом пробивая сплошную коросту прошлогодней листвы, торчала изумрудной щетиной. На разлившейся речке и старицах буйствовали на утренней и вечерней зорьках пернатые. Треск крыльев, свистящий шум прилетающих и улетающих стай, плеск воды заполняли в это время воздух.

Новопоселенцы радовались обилию птиц, сочным побегам дикого лука, первым желтеньким цветкам мать-и-мачехи. Еще бы: только что закончился строгий Великий Пост, и все изрядно исхудали.

Охотник Игнатий разыскал глухариный ток и с дозволения Маркела, избранного наставником, наладился промышленять, слетавшихся на любовные утехы, грузных, краснобровых таежных красавцев. Для их поимки он сооружал между кустами невысокие загородки с воротцами и настороживал ловушки. А при охоте на оленей и коз, выручала неказистая, но с отменным боем кремнёвка.

За лето внутри скитской ограды выросло еще пять крепко рубленых изб, с широкими крылечками под навесом. Теперь все семьи имели отдельные жилища. В каждой избе два окна на лицо и по одному сбоку. Лицевые окна и карнизы украсили резными узорами. Их рисунок ни на одном доме

не повторялся. Наученные горьким опытом миновавшей зимы, новосёлы соорудили, для защиты от снежных задувов, между всеми постройками крытые переходы.

Сами дома покоились на высоких подклетьях. Неподалеку летники, амбары. У крайних изб торчали две смотровые вышки. Посреди поселения красовался молельный дом с иконостасом внутри и деревянным билом¹⁷, подвешенным над крыльцом: для призыва на службу или собор. На задах устроили огородные грядки под капусту, лук, да морковь с репой. (Семенами их снабдилиодноверцы ещё в Чулымском скиту).

За частоколом, вдоль реки, сразу как, сошёл снег, начали валить деревья, корчевать корни: расчищали под пашню первые лоскуты. Потом каждый год всем миром расширяли, защищая от набегов диких зверей засеками из поваленных деревьев.

Возле дома Маркела под приглядом петуха рылись в земле три курицы, одна из них с пухлявыми цыплятами. Лошади и коровы содержались в загоне из жердей, под охраной собак. Хоть и немного скотины было в скиту, но всё равно не один стог надо было сметать на лесных полянках, чтобы хватило до следующей косовицы.

Как только прогревалась, отходила от стужи земля, начи-

---

¹⁷ В староверческих молельных домах колоколов не вешают. Для призыва на службу использовали «било» – сухую доску похожую на весло, по которой колотили деревянным молотком.

налась полевая страда. Трудились в эту пору все. Понимали, что коли земле не поклоняешься, хлеба не добудешь. Мужики на отвоеванных у тайги землях пахали, разваливая сохой с железными присошниками, бурые, влажные комья густо пахнувшей земли, потом борошили и приступали к севу. Тут уж и подрастающей детворе находилось дело – бегать по пашне и гонять грачей, чтобы те не успели склевать зерна ржи, ячменя и проса до того как борона прикроет их землёй. Одну деляну оставляли под драгоценную картошку. Она родила здесь на славу.

Из-за малости пашни в первые годы в ржаную муку для выпечки хлеба добавляли размолотые в ступе высушенные корневища белой кувшинки. Питались преимущественно похлебкой из мяса, ягодами да орехами.

Трудно давался хлеб в этих краях. Одна раскорчёвка чего стоила! Но как благостно было видеть летом среди чащобы небольшую, колышущуюся золотистыми волнами ржи деляну, а осенью сложенные крестцами снопы. Все это напоминало родимый край. Уже в первую жатву новопоселенцы были вдохновлены результатом: зерновые здесь не только вызревали, но и давали много лучший, чем на Ветлуге, урожай.

В свободное от молитв время они, наряду с полевыми работами и заготовками съестных припасов, ладили берестяные туеса, короба, выделявали кожи, кроили и шили из них одежды, занимались рукоделием, кололи дрова.

Детей с малых лет приохочивали к труду, воспитывали в

послушании и почитании старших без своенравия. Занимался с ними в молебном доме сам Маркел. Обучал грамоте и Слову Божьему. После занятий детвора летом играла в городки¹⁸, лапту; зимой рыли в сугробах пещеры, катались на салазках.

В пору редких посещений уездного городка, находившегося в семи днях пути, старообрядцы с грустью и сожалением отмечали там блуд, пьянство, слышали речь, испоганенную словами постыдными. Всё это только укрепляло их веру в то, что их обособленность разумна, а соблюдаемое вероисповедание единственно праведное.

Так прожили ветлужцы без малого четырнадцать лет. Они полюбили угрюмую байкальскую тайгу и окружавшие их горы, как отчий дом. Щедро поливаемая потом земля в ответ благодарно кормила их.

Правда, на одиннадцатый год жизни произошло событие, наделавшее немало убытку. В горах прошли обильные дожди, и по реке прокатился паводок невиданной силы. Ревущий поток, несший с собой коряги, валежины, камни, на глазах подмывал берег и зелёные великаны, склоняясь все ниже и ниже, с плеском рушились в объятую непонятным гневом воду.

Наводнение утатило баню, но хуже всего было то, что смыло треть пашни с уже туго налившимися колосьями ржи

---

¹⁸ Городки – игра, в которой деревянные фигуры из круглых чурочек сбивают издали длинными палками (битами).

и ячменя. Однако эти потери, в сравнении с тем что ждало их через три года, были не столь велики...

***

Налетела беда неожиданно-негаданно. Удалой люд разведал в окрестных горах на галечных косах студеных речушек богатые россыпи золота. Тихий, благодатный край в однолетье охватила золотая лихорадка.

Потянулся сюда разношерстный лихой люд. Кто мыть золото, кто скупать; кто, собравшись в ватаги, грабить и тех и других. По ручьям росли, как грибы после дождя, стихийные поселения. Следом, для проведения описи и сбора налогов, явились государевы чины. Непокойно стало в дремавшей прежде округе.

Добрались казаки в начале апреля, по прелому снегу перед Пасхой и до староверческого скита.

– Отворяй ворота, ревизия, по приказу генерал-губернатора, – зычно проревел подъехавший на санях в новехоньком мундире, перетянутом скрипучими ремнями, молодой подьесаул.

За ограду вышли Маркел, Никодим и трое из братии.

– Ты уж прости, чуж-человек. К нам в скит не можно. Мы с миром дел не имеем. Живём тихо, никого не трогаем и своих уставов ни кому не навязываем, – степенно и твердо заявил Маркел.

– Я тебе покажу, чертова образина, «не можно»! – заорал разъярившийся чин и приставил саблю к шее послушника. –

Бунтовать вздумал? Прочь с дороги! На каторгу в кандалах упеку!

Стоявший сбоку Колода, детина медвежьей силы, не стерпев прилюдного оскорбления наставника, так хватил пудовым кулаком обидчика по голове, что свернул тому шею. Офицер рухнул на снег замертво. Перепуганные казаки подхватили тело командира и спешно развернули сани обратно.

– Еще поплатитесь, раскольники треклятые, – прокричал один из них, отъезжая.

Маркел, осознав весь ужас и страшную нелепость происшедшего, наградил Колоду полновесной затрещиной:

– Кротостью и смирением надобно бороться со злом. Каждый ответ на удар вызывает новый удар, а кроткость наоборот гасит его.

Верзила воспринял внушение как должное, не посмев даже рта открыть.

Никто не заметил, как в начале этой стычки с дальних грузовых саней скатился на снег и заполз под разлапистую ель связанный человек. Когда ржание коней и гиканье казаков стихли, беглец подал голос:

– Эй, почтенные!

Всё еще топтавшиеся у ворот скитники, невольно вздрогнули:

– Спаси Иисусе и помилуй! Кто здесь? – прогудел Колода.

– Лешак я. Развяжите, благодетели!

Колода с Никодимом осторожно приблизились и, пере-

крестившись, сняли путы с лежащего.

Со снега поднялся крепкотелый, простоватый с виду мужик, в вонючем коричневом зипуне, в грязных чунях и онучах¹⁹. Весь квадратный с короткими, словно обрубленными, руками, с черными от въевшейся грязи пальцами. На загорелый лоб из-под плотно надетой шапки выбивались немытые вихры темно-рыжих волос. Взъерошенная бородища, медно пламенея в лучах заходящего солнца, укрывала широкую грудь. Из-под мохнатых бровей буравили хитроватые глазки. Судя по повадкам, человек бывалый и ухватистый.

– Воистину Лешак! Откель будешь?

– Вольный я, без роду и племени. Ноне в старателях фарт пытаю, – дробной скороговоркой отрапортовал беглец.

– И давно промышляешь?

– Да где уж! Мне от роду-то двадцать четыре.

Скитники изумлённо переглянулись: на вид бродяге было далеко за тридцать.

– За что ж повязали?

– Дак золотишка чуток намыл. Хозяин питейного заведения прознал про то. Не погнушался, пройдоха, холера ему в дышло, и по бражному делу обобрал, а утром, шельма, указал на меня, яко на беглого колодника с Ангары реки.

– Так пожаловался бы кому.

– Пустое дело. Правды-то в этих чащобах не сыщешь –

---

¹⁹ Чуня – лапти, сплетённые из пеньковой верёвки. Онучи – обмотка (портянки) на ногу под чуни.

всё одно, что медведю жалобиться. Но Господь пожалел – вас послал. Благодарствую вам, люди добрые! – Лешак ответил обступившей его братии земной поклон, – А подьесаула ты, дядя, крепко огрел! Силен! – уважительно добавил он, обращаясь к Колоде. – Только вот что скажу: теперича оне от вас не отвяжутся. Одно слово – бунт! Как пить дать вышлют карательну команду. Иха власть велика! Надоть уходить вам отсель, покуда не поздно. Иначе не миновать смертной казни зачинщикам, да и остальных не пощадят, в кандалы и на каторгу. А дома в разор пустят.

– Спору нет, грех свершен великий, да ведь ненароком, не по злomu умыслу. Молитвами и покаянием искупим его. Казаки вряд ли скоро явятся: через пять – шесть дней пути не станет – распутица, до уезда же только в один конец седмица ходу. Но что верно, то верно: оставаться нам здесь не след – житья проклятые щепотники теперича не дадут, – заключил Маркел.

***

На соборе решено было по речке уйти на Лену и в тамошних горах искать глухое, безлюдное место.

Братия, не мешкая, отправилась валить лес для лодок. Никодим, выбирая подходящие для распуска на доски стволы, заметил Лешака, кружившего неподалеку.

– Дозволь, почтенный, слово молвить, – вместо приветствия выпалил старатель, поспешно стянув с головы шапку. – Может, негоже мне в чужи дела соваться, да помочь ведь

могу. Прибился к нашему прииску ещё осенью один схимник, вашего староверческого роду-племени, человек души ангельской. Так вот, сказывал он мне, што ведом ему на севере скит потаенный, Господом хранимый. . . Я што подумал: ежели пожелаете, могу доставить того схимника к вам для расспроса, тока с условием, што коли столкнетесь, то и меня с собой прихватите. Хочу золота самородного там сыскать. Мне тамошние угоры малость знакомы: с казаками в острог ходил, а скит тот заповедный где-то там запрятан.

– Это не мне решать. Должно с братией обсудить, – сдержанно отвечивал Никодим.

Вечером скитники долго обсуждали предложение Лешака, взвешивая все «за» и «против». Сошлись на том, что встреча с монахом будет не лишней: вдруг и впрямь скажет что дельное.

Поутру вышли к уже ждущему у ворот Лешаку.

– Вези своего знакомца, послушаем. Только вот как ты его доставишь? Снег-то поплыл, того и гляди вода верхом хлынет!

– Пустяшное дело! До прииска напрямки недалече. Ежели дадите коня и хлеба, мигом обернусь.

На второй день Лешак действительно привез худого высокого человека неопределенного возраста с голубыми, прямо-таки лучащимися добротой и любопытством глазами на прозрачном, кротком, точно у херувима, лице. Одет он был в драную рясу из мешковины и длиннополую домотканую си-

бирку²⁰, висевшую на нём, как на колу.

Сотворив уставные метания²¹ и обменявшись приветствиями, все зашли к Маркелу и долго, дотошно пытали монаха: – Правда ли, что есть на севере потаенный староверческий скит? Бывал ли он сам в нём? Далеко ли до него? Крепко ли то место? И верно ли, что беспоповцы там живут?

– Доподлинно знаю, такой скит есть. Сам жилал в нём – я ведь тоже беспоповец, только бегунского толка²². Сторона та пригожа. Отсель верст девятьсот будет. Дорогу я вам обскажу в подробностях, но прежде хотел бы потолковать с очи на очи.

И, обращаясь к наставнику, спросил:

– Могу ли переговорить с очи на очи с Никодимом? Хочу кое о чём для себя его просить.

Отсутствовали они недолго. О чем беседовали – неведомо. Вернувшись, схимник принялся рисовать карту, давая по ходу подробные пояснения.

– А сам скит-то где будет?

– Вот здесь, в этой впадине... Только нет к нему иного пути акромья водного. Поторапливаться вам надобно. Ажно до прииска слух докатился, что карательный отряд готовят. Как вода спадёт так вышлют.

---

²⁰ Сибирка – верхняя мужская одежда из грубого сукна.

²¹ Метание – малый земной поклон, особо соблюдаемый старообрядцами.

²² Бегунский толк – течение в беспоповском старообрядчестве, возникшее в XVIII веке. «Спасение души» для бегунов – это «вечное странствие».

Монах отвесил поясной поклон и со словами «Храни вас Бог, братушки» и уехал вместе с Лешаком обратно.

Покамест мужики срочно мастерили лодки-дощанки, конопатили, смолили бока, крепили мачты, женщины паковали скарб, шивали для парусов куски полотна, собирали провиант в дорогу. Лошадей и коров пустили под нож, а нарезанное тонкими пластинами мясо коптили, вялили в дорогу.

Как только сошли крупные льдины, снесли всё приготовленное к реке. Волоком по каткам стянули и суденышки. Все было готово к отплытию. Уж и бабы, с тепло одетой ребятней, собрались на покрытом галькой берегу.

Маркел с Никодимом покидали скит последними. Окинув его прощальным взглядом, тяжело вздыхая, переглянулись:

– Эх, сколько годов здесь прожили: горести и радости вдовсталь познали, к каждой берёзке, к каждой тропке привыкли. Горько предавать огню столь ладное хозяйство, но не оставлять же его хриstopродавцам на поругание! – промолвил Маркел. Никодим молча кивал головой.

Запалив избы, они спустились на берег...

СНОВ В ПУТИ

Караван плоскодонок, подхваченный весенним половодьем, несся по стремнине. Позади разрасталось жуткое зарево с клубами черного дыма. Оглядываясь время от времени на горящее поселение, суровые старообрядцы смущенно сморкались, иные не скрывали своих слез, а бабы и вовсе ревели как белуги: великих трудов и обильных потов стоило общине укорениться, обстроиться в этих диких местах.

Волны, разбиваясь о борта, то и дело захлестываясь в лодки, орошали беглецов ледяными брызгами. Женщины и детвора зябко ежились, а мужики не обращали на брызги внимания: они едва успевали отталкиваться шестами от угловатых льдин, норовящих опрокинуть утлые судёнышки и отправить людей в бурлящую утробу норовистой реки.

Поутру третьего дня, обгоняя караван, вдоль берега пронеслась белая метелицей, оглашая округу трубными криками, стая лебедей. Вслед ей ринулся холодный ветер: предвестник ненастья. По воде побежала кольчужная рябь. Отражения берегов покособились, закачались. Река потемнела, нахмурилась. Мохнатые тучи, слившись в сплошной полог, беспрерывно сыпали холодную влагу на унылую пойму, расчеченную извилами русла. Временами дождь, словно очнувшись, начинал хлестать напропалую, ниспадая на землю колышущимися завесами.

Все промокли, задрогли. Тревожась за здоровье ребятни, Маркел распорядился причалить к берегу и разбить на взгорке лагерь. Спешно соорудили из жердей шалаши, покрыли их толстым слоем лапника и залегли в ожидании конца ненастья. Прошли сутки, а дождь все лил и лил.

Вода в реке прибывала. Берега раздвигались прямо на глазах. Ещё бы! Вечная мерзлота не давала возможности дождевой влаге уходить в землю, и она вся сразу скатывалась в реку. Поэтому в этих краях при любом дожде случаются паводки. Иной раз он столь силён, что превращается в неукротимую стихию с непредсказуемым норомом. Вырвавшиеся из берегов потоки в слепой ярости смывают всё на своём пути, громоздят на излучинах огромные завалы. Запертая ими река порой вынуждена пробивать новое русло прямо через вековую тайгу, оставляя старому, забитому стволами ложу удел тихой и мелководной протоки, зарастающей со временем.

Стан староверов располагался на высоком, вытянутом мысу. Его покрывали сплоченные ряды елей и лиственниц. Кроме них вдоль берега росли береза, рябина, шиповник. Казалось бы, здесь, на лесистом возвышении ничто не могло угрожать путникам. Каково же было их удивление, когда, проснувшись утром, обнаружили, что со всех сторон окружены водой: своевольная река за ночь промыла перешеек излучины и, укоротив свой путь к морю, заодно отрезала людей от коренного берега.

На третий день сквозь вороха туч ударили истомившиеся

в заточении лучистые столбы. Участки, залитые живительным солнечным светом, загорелись празднично, весело.

Караван, не мешкая, покинул новорожденный остров. Мутная вода, грозно поблескивая, увлекла, понесла дощанки мимо вздрагивающих под напором воды подтопленных деревьев. Искусство кормчего теперь состояло лишь в том, чтобы не сойти с основного стрежня и не врезаться в какую-нибудь корягу или залом.

На исходе одиннадцатого дня полноводный поток вынес караван на широкую Реку. Собирая притоки, она и дальше продолжала раздаваться вширь. Местность изменилась. Горы расступились, смягчились их очертания. Появилась возможность поднять паруса. Хлебнув попутного ветра, они повлекли суденышки на север, мимо крупноствольных, кондовых лесов, чередующихся то разводьями унылых марей, покрытых пружинистыми мхами и кустиками низкорослой голубики, то взъерошенными перелесками чахлых берёзок и лиственниц.

Сколь жалки на вид эти корявые, сутулые упрямы, вступившие в схватку с безжизненной заболоченной почвой: вершины засохли, стволики хилые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом держась корнями за мягкую моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, не кому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Поподались и обрывистые берега с льдистыми выходами

вечной мерзлоты. С них прямо в воду свисали лохмотьями огромные куски дерна.

Берега безлюдны. Только однажды беглецы увидели три коптящих небо остроконечных чума коренных жителей. Чуткие собаки кочевников тут же высыпали на берег разношерстной стаей и дружным лаем подняли переполох в стойбище. Из чумов вышли пестро одетые люди, высыпала детвора. Увидев караван больших лодок с белыми полотнищами на длинных жердях, они застыли, будто каменные.

Чтобы избежать лишних разговоров, старообрядцы решили не останавливаться. На ночлег устроились далеко за полночь верст через пятнадцать.

Шел двадцатый день пути, когда в речном просвете вновь замаячили острозубые гребни хребтов. Люди сразу оживились: из дорожных наставлений схимника следовало, что скоро сворачивать вправо в приток, вливающийся в Реку сквозь узкое, словно прорубленное мечом, ущелье.

Все сошлось. К полудню следующего дня подплыли к островерхому камню, одиноко торчащему посреди реки. Сразу за ним взяли вправо и зашли в теснину из громадных скал, похожих на лица каменных богатырей, грозно и угрюмо взирающих на незваных гостей. На рисунке схимника это место было обозначено, как Чёртова пасть. В скором времени путнику пришлось убедиться в меткости названия.

Версты через полторы теснина раздвинулась, по берегам появились косы и отмели, но вскоре межгорная долина, сжи-

маемая отрогами, вновь сузилась. Сами склоны были сильно изломаны острыми рёбрами и выступающими зубцами.

Отсюда вверх по течению поднимались на шестах. Вот уж где попотеть пришлось! Мужиков выручала слаженность: все, кто с шестом, одновременно, по команде кормчего, отталкивались, сколь доставало силы, от каменистого дна. Лодка, под надсадный крик людей, рывком шла вперёд, и за этот миг мужикам следовало без промедления вновь перебросить шесты вперёд и опять разом, что есть мочи, оттолкнуться. И так многие тысячи раз!

Утром четвертого дня, с начала подъема, обогнули отвесный отрог. Долина за ним опять расширилась, и речка разделилась на два рукава. Неукоснительно следуя дорожным наставлениям, «флотилия» направилась в правый, более полноводный рукав, с прозрачной, изумрудного отлива, водой. Слепящие блики солнца красиво метались на её высоко дыблящихся бурунах.

По берегу, вдоль кромки воды, хрустя пестрой галькой, навстречу им брел медведь. Заметив лодки, подслеповатый зверь встал на задние лапы и, приложив к глазам переднюю, попытался понять, кто же вторгся в его владения. Сослепу приняв дощанки за плывающие выворотни, он успокоился и продолжил прерванное занятие – ворочать валуны, слизывая с их влажных боков любимое лакомство – личинки ручейника. Следом показался второй косолапый. Уставившись на караван, он для острастки заревел: мол плывите, но знайте –

хозяин тут я.

Дальше на отмели, нахохлившись, стояли, нацелив вниз клювы, цапли. Они с подозрением косили желтыми глазами и на всякий случай отлетели вглубь заводи, обрамленной осинами с городищем гнезд.

«Эскадра» меж тем упрямо продвигались к громадам пепельных хребтов, изрезанных лабиринтами ущелий. В глубоких разломах и нишах белые отметины снега. Горная, неприступная страна! Все здесь было необычно. Дико, очень дико и голо кругом. На скалах выживали только желто-серые лишайники.

Берега речки прорезавшей хребет, вздымались здесь почти на сто сажен и были так близки друг к другу, что солнце в эти каменные теснины заглядывало лишь в середине дня. Сверху искристым бисером беззвучно ниспадали белыми бородами водопадики. Попав в столь мрачное, неприятное место, люди, окружённые холодным величием, оробели.

Отвесные стены раскрашены пластами разноцветных пород: то серых, то желтых, то красноватых. Перед путниками как бы предстала окаменевшая многовековая летопись Земли. Но наши путники не задумывались об этом. Для них это была просто, мрачная теснина, которую следует как можно быстрее пройти.

На каждой стоянке шепутной Лешак в поисках знаков золота, мыл песок. Но ничего путного в пробах не находил: в лучшем случае выпадали один-два знака.

Сжимаемая ущельем речка становилась все напористой и бурунистой. Кипя и пенясь, она без устали мчала свои воды по уступам каменного ложа. Местами сила течения была столь велика, что сквозь шум потока доносились глухие удары перекачиваемых водой валунов.

С утра шлось полегче. К полудню же оживал дремавший в верховьях речки ветер. Разгоняясь в узкой трубе каньона, он в союзе с бегущей навстречу водой, старался повернуть лодки вспять. Вероятно, другие впали бы от таких препятствий в отчаяние, но непреклонные старожилы, невзирая ни на что, упорно продвигались вперед. Было в этих людях нечто сильнее мускулов. Это «нечто» – сила ДУХА, позволяющая совершать невозможное. Дружно наваливаясь на шесты, они рывками, раз за разом проталкивали лодки вперед. Соленый пот заливал глаза, рубахи липли к спинам, но дощанки вершок за вершком ползли к цели.

Там где течение было особенно стремительным, за шесты брались и бабы. Особенно ловко орудовала им супружница Прокла – дородная Марфа. Несмотря на солидный вес и кажущуюся неповоротливость, она не уступала иным мужикам. Когда все изнемогали от усталости, Маркел объявлял остановку для отдыха.

На одном из порогов лодку, в которой плыл Никодим, развернуло поперек русла. Мощное течение подхватило неуправляемую, залитую водой посудину и затянуло под скалистый прижим. Слава Богу, никто не утонул. Однако водо-

верть унесла немало полезной утвари. Больше всего расстроила утрата двух топоров и пилы.

Чем ближе к истоку, тем строптивее, норовистее становилась речка. Вскоре она стала представлять собой череду водопадов. Упругие, лоснящиеся потоки, низвергаясь с уступов, ударялись о скальное дно и иступленно бушевали в выбитых за многие годы каменных котлах, сотрясая ревом округу.

Над каждым порогом висели белесые облака водяной пыли. Путникам в некотором смысле повезло. Выпал как раз тот редкий час, когда солнце заглянуло в каньон, и над каждым сливом зажглась сочная радуга – ворота в сказочный, неведомый мир, из которого то и дело выпрыгивали хариусы, с цветистыми, словно отражения этих радуг, спинными плавниками.

Братия пригорюнилась:

– Не уж-то дальше не пройти?!

Дёргаясь от толчков шестами, подползла и пристала к берегу последняя лодка с Маркелом. Осмотревшись, он прокричал, стараясь пересилить шум воды:

– Надо искать волок. Я и Колода поднимемся по этой расщелине, а Никодим с Мироном переплывайте речку и осмотрите противоположный берег. Потом решим, где сподручней обходить. Остальным пока отдыхать.

Через два часа разведчики вернулись. По правому берегу, который обследовали Никодим с Мироном, обход оказался

неудобным – склоны слишком крутые. Решили пробиваться по левому.

Из стволов, застрявших на береговых уступах во время паводков, заготовили катки. К днищам лодок для их сохранности подвязали полозья – берёзовые жерди. Подъем планировали начать с утра, но до полудня не могли тронуться: плотный туман затопил ущелье.

На плато лодки вытягивали до самого вечера. С утра следующего дня покатали их по каменистому плато до обширного снежника, закрытого с одной стороны скальной грядой. Одна из скал напоминала лицо человека. Он глядел на измученных людей, скривив рот в злорадной ухмылке.

На его плешивой макушке стояли грациозные бараны-толстороги. Заметив их, путники невольно остановились. Табунок постоял ещё немного, наблюдая за диковинными пришельцами, и бросился вниз. Самый лихой баран, оказавшись на снегу, покрывавшем одну из «щек» идола, вдруг сел на круп и лихо покатился вниз. Люди затаили дыхание: казалось, рогач неминуемо разобьется о камни, лежащие у подножья скалы, но в самый последний момент круторог вскочил на ноги и, оказавшись теперь впереди всех, как ни в чем не бывало, скрылся за грядой.

От оледеневшего снега, годами копившегося в этой ложбине, веяло холодом и сыростью. Люди из лета как бы угодили в зиму. Зато плоскодонки скользили по природному «кату», длинным языком сползавшему к берегу выше каскада

водопадов, как по маслу. Что бы они слишком сильно не разгонялись их приходилось даже придерживать сзади.

Речка приняла их приветливо, без кипучей толчеи волн. Обход порогов так измотал людей, что на ночёвку встали не дожидаясь вечера. Лешак, не мешкая, спустился на косу и промыл в лотке песок. В шлихе собралось около семидесяти крупных желтоватых зерен пластинчатой формы. Сгрудившись в головку, они тлели будто угли догорающего костра. В глазах старателя вспыхнули искорки азарта. А когда он обнаружил в прибрежной гальке угловатый самородок размером с перепелиное яйцо, то и вовсе в раж впал: принялся плясать, подняв в невообразимом восторге руки и дико вопить на все ущелье... Наконец Лешак утихомирился и, шмыгая мясистым носом, объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.